

А. Сабиров: «Нищей милиции не по плечу борьба с преступностью»

Давление криминалитета на власть растет. Милиция, призванная бороться с организованной преступностью, сама нуждается в помощи. В случае если не будут приняты необходимые меры, государство может потерять контроль над ситуацией. Так считает выходец из системы МВД депутат Жогорку Кенеша Алишер Сабиров

– Алишер Ахмедович, необходимость реформирования системы МВД, кажется, ни у кого не вызывает сомнения. Но время идет, а дело не двигается дальше умных, красивых рассуждений. В чем причина пробуксовки?

– Проблема, на мой взгляд, в том, что тут недостает комплексного подхода. Периодически предпринимаются попытки модернизировать отдельные участки-секторы. Но нет понимания, что кардинальным образом должна быть перестроена вся система МВД. Сейчас, к примеру, актуализируется вопрос о разделении милиции на две составные части – на борьбу с криминальной, уголовной преступностью и милицию общественной безопасности. В России, впрочем, пошли по этому пути. За второе направление у них отвечает местное самоуправление: милиция находится в подчинении мэров городов или сельских властей. Криминальная же милиция борется с уголовной преступностью, занимается серьезными, тяжкими преступлениями, имеющими межтерриториальный характер.

– Что нам мешает перенять опыт россиян?

– Тут возникает множество вопросов. Как, скажем, назначать и обучать сотрудников, которые будут содержаться за счет местного бюджета?

– В Америке шерифы избираются...

– Этот путь теоретически приемлем. Такие эксперименты нашим МВД проводились, однако они не дают должного эффекта.

– Почему?

– Все-таки правовая культура в Америке несколько отличается от местных традиций. У нас в одном селе живут люди, находящиеся друг с другом в родственных и родовых отношениях. Данный фактор играет, чего греха таить, негативную роль. У американцев иное отношение к законам, они четко знают, что можно, а чего нельзя. А многие кыргызстанцы, увы, больны правовым нигилизмом. Возможно, после разделения милиции на криминальную и общественную стоит сделать следующий шаг – ввести выборность участковых. Для начала в городах. Чтобы определенный квартал, махалля выбирали конкретного человека и спрашивали с него за порядок.

– На днях принято решение о существенном: чуть ли не в два раза увеличить численность сотрудников органов внутренних дел.

– Это, думаю, вынужденная мера. Имеются объективные предпосылки: преступность, к сожалению, растет. И государство обязано каким-то образом реагировать на вызовы криминалитета.

– И все же насколько логично решение о дополнительном наборе, если власть не в состоянии достойно содержать уже действующих сотрудников милиции?

– Согласен, чисто механическое увеличение численности не даст требуемого эффекта. Наивно рассчитывать на существенные сдвиги, если рядовой в месяц получает 800 – 1000, офицер – 2000сомов. Где выход? Штаты надо расширять с условием, что сотрудникам будет выплачиваться нормальная зарплата. В парламенте уже в течение трех созывов говорю: если мы, государство, Минфин, не дадим милиционеру достаточное жалованье, он его возьмет другим путем. С наших же избирателей, впрочем. Почему трудно искоренить поборы работниками ГАИ? Почему на нашу патрульно-постовую службу жалуются, что она производит досмотры, и при этом пропадают

деньги? Потому что милиционер тоже человек, и у него есть семья. Ему тоже хочется раз в месяц сводить жену в ресторан, кафе или на тот же концерт. Билет стоит 150-200 сомов, как тут поведешь? Именно государство, об этом открыто говорю в парламенте, само толкает нашу милицию на нарушения закона. Нищая милиция никогда не будет бороться с преступностью. Люди обращаются в милицию, а оперативную помощь не получают. В сельской местности, я знаю, когда звонят в милицию и говорят о произошедшем, там отвечают, что нет бензина: мол, приедем, если купите. Нельзя до такого уровня запускать дела. Государство, в конце концов, и создается для того, чтобы соблюдать правопорядок, бороться с преступностью.

– Выходит, государство беспомощно и свои функции в данной сфере не выполняет?

– Не совсем справедливо говорить о полной недееспособности органов власти. Речь о том, что государство должно видеть проблемы и решать их быстро, не откладывая в долгий ящик. Вот одно сравнение. Когда я после милицейской школы пришел в органы, на свою лейтенантскую зарплату мог спокойно слетать в Москву. И там неделю еще жить достаточно нормально. Или купить 10 мешков муки. Такой эквивалент был. А на что хватит нынешних 2000 сомов? Раньше милиция числилась в ряду уважаемых организаций, в нее стремились люди не для того, чтобы заработать деньги, а чтобы действительно защищать порядок. Поэтому еще раз повторяю, что высшее руководство обязано оказать помощь милиции. Иначе неизбежен дальнейший разгул преступности. Боюсь, тогда государство может вообще потерять контроль над ситуацией в стране.

– С чего все-таки, на ваш взгляд, следует начать?

Конечно, с увеличения зарплаты сотрудникам и повышения с них спроса. Перво-наперво здесь нужно хотя бы выравнивать жалованье милиционеров с сотрудниками СНБ, военнослужащими Минобороны, которые получают в несколько раз больше. Сейчас кадры из МВД утекают в другие силовые структуры. Куда

подастся, скажем, командир взвода внутренних войск, если его коллега из Минобороны получает совсем другие деньги?

– Когда же настанет черед структурных реформ?

А вот тут мы должны придерживаться принципа «поспешай не торопясь».

– И в отношении уже апробированных в других странах новшеств?

– Что имеете в виду?

– Ну, кроме разделения милиции на две части, о котором вы сказали выше, можно назвать идею создания независимого следственного комитета.

– Это очень старый, «бородатый» вопрос. Действительно, в МВД России, Казахстана собрали из всех силовых структур следователей в одну кучу. Создали следственный комитет. Не сработало. Почему? Появилась проблема взаимодействия. Надо, скажем, этапировать человека на место происшествия для проведения следственных мероприятий. Председатель комитета пишет бумагу на имя министра внутренних дел. И так по любому действию. Уж не говорю о случаях, когда надо найти и задержать преступника. Если сейчас внутри МВД бумага через кабинеты идет 3-4 дня, то в тот период, когда шел эксперимент, насколько мне известно, бумаги шли по 3 месяца. Да, следователи стали чувствовать себя увереннее, хотя процессуально они и сейчас по закону независимы. Но потеря координации, возникшие бюрократические преграды негативно сказались на борьбе с преступностью. Словом, идея следственного комитета не сработала даже в таких крупных государствах, как Казахстан и Россия. Попытавшись внедрить его, мы рискуем наступить на те же грабли, что и с ГУИНОм.

– А в чем конкретно тут допущена ошибка?

– По ГУИНу тщательно разбиралась депутатская комиссия, ее членом был и ваш покорный слуга. Мы установили, (наша оценка

совпадает с позицией Минюста), что произошла механическая передача системы ГУИНа. Не было достаточной проработки финансовых, технических, оперативно-служебных вопросов. Когда колонии находились в системе МВД, они были пронизаны влиянием МВД. Любой следователь, работник угрозыска, по борьбе с должностными преступлениями знал, что человек, которого он посадил, находится в колонии. Он сопровождал его. Контролировал, как ведет себя, не совершил ли еще правонарушений, с кем дружит, что получает, какую ведет переписку. В то же время оперативные работники колоний работали на систему МВД: поддерживалось каждодневное практическое взаимодействие между угрозыском, следствием и колониями. Эта отработанная десятилетиями система разрушилась, когда ГУИН передали в Минюст. Все впали в эйфорию. МВД потому, что у него одной проблемой стало меньше. Минюст от того, что почувствовал себя крутой силовой структурой. На этой стадии не сработало и правительство.

– ГУИН повис в воздухе?

– Он стал бесхозным. Минюст не был готов к управлению колониями: они оказались для него чужеродными. Комиссия установила, что ни один министр юстиции не посещал исправительные учреждения. Разве это работа, разве это серьезное отношение к делу? На ситуацию в ГУИН не обращали внимание правительство, администрация Президента. Еще один красноречивый факт. Оказывается, до сегодняшнего времени в администрации президента и аппарате премьер-министра Министкурировали юридические отделы, а не отделы правоохранительных органов. То есть те подразделения, которые исторически занимаются только документами. Получается, ГУИН со всеми его колониями в какой-то момент выпал из системы государственного управления.

– Депутаты не выясняли, кому конкретно из руководящих чиновников страна обязана таким провалом?

– Во время работы комиссии мы с людьми беседовали без

протоколов. Мы их не предупреждали об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. В нашу обязанность входила лишь выработка общественно-политической оценки факта расправы над депутатом, сотрудниками Жогорку Кенеша. Уголовно-процессуальную оценку того, какие именно должностные лица виновны в случившемся, дает следствие.

– Тем не менее, парламентская комиссия внесла в Жогорку Кенеш проект постановления, в котором Президенту рекомендовалось рассмотреть ответственность бывшего заместителя министра юстиции Таштемира Айтбаева...

– Я, как юрист, всегда опираюсь на закон. Если за что-то наказывать – это должно быть сначала доказано. А доказать, подчеркну еще раздело следствия, которое еще не завершилось.

– То есть в данном случае ваше личное мнение расходилось с позицией комиссии?

– Да. Проект постановления готовился комиссией в составе семи депутатов. Свои решения она, как понимаете, принимает большинством голосов.

– Недавно на заседании Совета безопасности прозвучало, что существует угроза безопасности государства по многим направлениям. Вы могли бы выделить главное из них?

– Самая основная угроза – это разгул преступности. Растет организованная преступность, налицо ее беспрецедентное давление на государственную власть. Ныне ситуация такова, что зарубежные эксперты нам открыто говорят, что в Кыргызстане начинают править «Калашников» и «Макаров».

К. Мамбетов.

“Слово Кыргызстана”

9 декабря 2005 года